

УДК 940.2

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА “ГЕРОСТРАТОВУ СЛАВУ”

© 2011 А.И. Попов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 23.09.2011

На основе анализа множества источников автор попытался выяснить, кто же конкретно исполнил печально известный приказ императора Наполеона I о подрыве московского Кремля.

Ключевые слова: Россия, Отечественная война 1812 г., Москва, Кремль.

Взрыв московского Кремля в октябре 1812 г. – событие широко известное. Однако до сих пор остаётся неясным, кто же исполнил этот зловещий приказ императора французов. Оказалось, что претендентов на эту “геростратову славу” было несколько. Обратимся к источникам.

Командир 1-го батальона полка фузилеров – гренадер Молодой гвардии Л.Ж. Вьонне де Марингоне вспоминал, что 9 октября “был дан приказ каждому полку запастись продовольствием на шесть месяцев”, и в течение этого времени “были разрушены дома, примыкавшие к стенам Кремля, тайно заминированы крепостные стены”.

18 октября началась эвакуация французами Москвы. Наполеон отдал приказ маршалу Э.А. Мортье, герцогу Тревизскому: “Вы должны охранять всю Москву, насколько это возможно, не подвергая опасности войска; вы должны постоянно охранять Кремль, который является сильной крепостью, Воспитательный дом, где следует собрать больных, большой магазин водки. Каменный мост и монастырь князя Экмюльского, где имеется мост через Москву-реку. Завтра вы прикажете активно работать по удвоению артиллерии, находящейся на батареях; вы велите работать у ворот и прикрыть их пушками; вы разместите две пушки в монастыре князя Экмюльского; все обозы, прибывающие в Москву, вы разместите под прикрытием этого монастыря, между монастырём и речкой: таким способом они будут прикрыты от всяческих нападений; вы прикажете ничего более не помещать на стоянку в пригороде, через который мы прибыли. Вы позаботитесь собрать всех отставших и послать их к своим корпусам... Держите полки спешенной кавалерии для обороны Кремля, Воспитательного дома, каменного моста и казармы князя Экмюльского... Соберите продукты, велите сделать сухари, прикажите нести службу, как в крепости... Одному *шефу батальона артиллерии* поручено взорвать Кремль в случае приказа... *Прикажете разгрузить и поместить в баш-*

нях бомбы, снаряды и гранаты, чтобы оборонять стены”.

В тот же день император приказал Бертье: “Сообщите герцогу Тревизскому, что завтра я выступаю с армией, чтобы преследовать неприятеля, что моё желание состоит в том, чтобы герцог Тревизский расположился в Кремле и там разместил в казармах 1-е, дивизию Делаборда; 2-е, бригаду генерала Шарьера, состоящую из четырёх батальонов спешенной кавалерии силой около 4000 человек; 3-е, две роты сапёров; 4-е, одну роту артиллерии; 5-е, артиллерию дивизии Делаборда; наконец, бригаду из 500 кавалеристов. С этой силой герцог Тревизский сможет охранять город, но с надлежащей осторожностью. Интендант оставит одного [комиссара-]ордоннатора, несколько военных комиссаров и начальников служб. Генерал инженерных войск оставит командовать одного старшего офицера. Генерал артиллерии оставит одного старшего офицера артиллерии и нескольких артиллерийских офицеров. Герцог Тревизский прикажет с величайшей активностью работать над вооружением Кремля и разместит на батареях пушки, которые находятся там; он поставит одну батарею на земляной насыпи, где разместит свои полевые пушки (*pièces de campagne*) так, чтобы лучше обстреливать каменный мост; он выставит сильный пост в монастыре князя Экмюльского, позиция которого очень важна, так как она командует над мостом через Москву-реку... Все магазины, которые слишком удалены, герцог Тревизский прикажет свезти в Кремль. Комендант города и интендант могут продолжать располагаться в помещении губернатора, или в помещении герцога Тревизского, расположенном возле Кремля. Герцог Тревизский, если пожелает, будет охранять монастырь маршала Нея. Будет полезно охранять одним постом тюрьму, которую укрепил вице-король на дороге из Санкт-Петербурга; для всего остального он сократит службу [охраны], как пожелает, сохранив предпочтение для того, что будет ближе к Кремлю...

Он велит с завтрашнего дня начать работы

Попов Андрей Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. E-mail: pfiri@ssc.smr.ru

в Кремле... Он будет высылать сильные патрули по городу, особенно в сторону Можайских и Калужских ворот, чтобы иметь возможность собирать все обозы и полки, которые будут на пути из Можайска, чтобы отправиться туда. Дивизия Роге останется здесь весь завтрашний день; она выступит завтра вечером, эскортируя казну и квартиру генерал-интенданта. Герцог Тревизский будет поддерживать в городе строгий порядок: он прикажет расстреливать всех русских солдат, повстречавшихся на улице; для этого он велит дать приказ всем тем, кто находится в госпиталях, не выходить нигде за небольшие посты, чтобы иметь защиту от недоброжелательства крестьян и внезапных нападений казаков". Уточним, что в отряд Мортье вошла и рота (голландская) гвардейской конной артиллерии, где служил второй лейтенант Ф.Ш. Лист.

Секретарь Наполеона А. Фэн привёл слова императора: "Сожжём, послужив русским на их манер; они нас спровоцировали. Если они сожгли одну деревню, один дом, мы ответим им, сжигая тысячу!". По мнению Фэна, император сожалел об отдельных гражданских лицах, претерпевавших тяготы войны, "но ему не претило принести в жертву стены, древние башни и военные строения, которые по праву войны всегда оставались в распоряжении завоевателя. Таким образом, *мины под Кремлём были ответом на взрывы поджигателей Москвы*".¹

20 октября Наполеон послал из с. Троицкого приказ Мортье "разместить порох под башнями Кремля", чтобы 23 октября "в четыре часа *офицер артиллерии, которому поручено это дело, взорвал Кремль*", и отступить по дороге на Можайск в Вязёмы. Капитан Лист уверял, что "20 октября он заминировал Кремль, разместив вдоль стен и соединив фитилями зарядные ящики, которые невозможно было транспортировать из-за нехватки лошадей".

21 октября император уточнил, что Мортье, "тотчас, как его операция в Москве закончится, то есть 23-го в три часа утра", должен к 24-му дойти до Кубинского, откуда повернуть к Верее и прибыть туда 25-го. В тот же день он приказал генералу Э. Богарнэ оставить пост из 100 чел. в Шарапово и "послать туда надёжного офицера, который разместится на полпути [к Москве]; он останется там до полуночи или *до трёх часов утра, часа, когда должен услышать взрыв Кремля*". Тотчас, как он услышит, он понесётся во весь опор, чтобы уведомить меня; тогда пикеты кавалерии и пехоты двинутся маршем, чтобы прийти в Фоминское, где они присоединятся к своим полкам. В любом случае этот отряд двинется в пять часов утра завтра 23 октября, если даже не услышит взрыва. Этот офицер, чтобы лучше услышать взрыв, может выдвинуться немного вперёд вместе с пикетом кавалерии, находящимся

там".² Как видим, в зависимость от взрыва Кремля Наполеон поставил движение своих войск.

А.А. Шаховский вспоминал, что "некоторые чиновники полиции, вышедшие из Москвы, пережатые ходили в неё и приносили разные известия барону Винцингероде... Они *его уведомили, что Наполеон намерен взорвать Кремль*". Служивший в этом отряде С.Г. Волконский подтверждает, что генерал "извещен был лазутчиками нашими в Москве, что французы сделали подкопы (*des mines*) в некоторых частях Кремля". Шаховский пояснил генералу, что россияне привыкли "почитать святыню Кремля своим Палладиумом. Сердце генерала, быстро воспламеняемое благородным ощущением, вспыхнуло; он изменился в лице и, вскочив со стула, вскрикнул: "Нет, Бонапарте не взорвет Кремля. Я завтра дам ему знать, что если одна церковь взлетит на воздух, то все попавшиеся к нам французы будут повешены"".

Волконский рассказывал, что 10/22 октября "Винцингероде, прибыв с Нарышкиным и сев оба на лошадей, данных им крымско-татарского казачьего полка князем Хункаловым, хотел лично с малым конвоем въехать в город, чтобы, не нанося опасения французам, занимавшим еще Кремль, взойти с начальниками в переговоры и охранить Москву от замышленного поругания. В то время как Винцингероде хотел въехать в город, Иловайский 4-й сказал ему: "Генерал, вам опасно въезжать" – "Почему?" – возразил ему с негодованием Винцингероде, – разве вы не донесли мне, что вы заняли уже Москву?" – "Точно так, – отвечал ему Иван Дмитриевич Иловайский, – но только разъездами удостоверились, что французы отступают, а не то, чтоб вовсе занял город до Кремля". Тут Винцингероде, по характеру очень вспыльчивый, ему возразил в запальчивости: "Так ты меня обманывал ложным донесением! Ты к этому, я вижу, трус!" И, взяв малый конвой, вступил в город и достигнув... бульвара, названного Тверским, приказал конвою остановиться и, взяв одного казака и велел навязать на пику белый свой платок, сказал ему ехать вперед, а сам с Нарышкиным от бульвара поехали вперед до ген[ерал]-губ[ернаторского] дома. Тут у самого Газетного переулочка увидал он пост офицера французского, и как белый флаг означал, что парламентар, и как у казака тогда не было трубача, то офицер французский и Винцингероде уже один друг к другу подошли вперед". При этом Винцингероде будто бы заявил, что прислан парламентаром от командующего русским отрядом, но вдруг внезапно прискакал другой французский офицер с разъездом, объявил генерала пленником и отправил к Мортье.

А.Х. Бенкендорф писал, что, "*желая спасти Кремль*, генерал отправился лично к нашим аванпостам..., приблизился к нему, махая платком и не захотев, чтобы кто-нибудь за ним следовал.

Офицер принял его, как парламентаря, и соби-
рался послать уведомить маршала Бертье, быв-
шего в Кремле, когда на генерала бросился пья-
ный гусар и увел его в плен”. “Кажется, я не об-
манываюсь, – считал Шаховский, – полагая
причиной, пусть и безрассудного смельства ба-
рона Винцингероде наследственную запальчи-
вость его рыцарского характера, которая затуши-
ла в уме его все, кроме мысли, что *спасением
Кремля* он спасет русских от уныния и сохранит
им их святыню”³.

По словам генерала Ф. Сегюра, подрывом
Кремля руководил некий *полковник Депрэ*, толь-
ко что прибывший из Испании. Но капитан М.Э.
Бодю писал, что работами по минированию ру-
ководил шеф батальона инженеров гвардии
Гиро. Действительно, шеф батальона (подпол-
ковник) Р. Гиро в мае вернулся из Испании во
Францию, где получил приказ присоединиться
к Великой армии.⁴ Он покинул Париж в начале
июля, 13 сентября проехал через Бородинское
поле и вместе с полковником 8-го лёгкого полка
Ж. Серраном прибыл в Москву 16 сентября. Он
с трудом разыскал в горевшем городе штаб ко-
мандующего инженерами гвардии генерала
Ф.Ж. Кирженера де Планта, который располо-
жился у Петербургских ворот. “Генералу Кирже-
неру, – вспоминал Гиро, – после того, как он пять
раз менял жилище, постоянно изгоняемый
огнём, удалось, наконец, устроиться со своим
штабом в некоем подобии поместья, окружённом
водой”. “Военные инженеры укрепили наружные
части и обнесли Кремль, чтобы он служил убе-
жищем от налёта; *назначенный начальником ра-
бот*, я постоянно находился в контакте с марша-
лами Бертье и Дюроком, которых несколько раз
приезжал навестить император”.

Но 11 октября Гиро, по его собственным сло-
вам, “был тяжело *ранен в череп* взрывом в ходе
работ по укреплению, доктора Ларрей, Поле,
Иван, два первые – главные медики гвардии, тре-
тий придан лично императору, объединившись
с несколькими обычными хирургами, осмотре-
ли мою рану, единогласно решили, что я безна-
дежен и не протяну и недели... Генерал Кирже-
нер, который, несомненно, не хотел обременять
себя трупом, велел меня оставить и, ясно видя,
что меня посчитали мертвецом, велел отослать
мою повозку и погрузить мои вещи”. Хирург Л.В.
Ланьо вспоминал, что перед отступлением “раз-
местили футляры с минами, чтобы взорвать
Кремль, сравнивая крепостные стены с землёй.
Полковник Гиро из инженерных войск, которому
была поручена эта миссия, получил осколок кам-
ня от взрыва одной мины, который пробил ему
правую часть черепа (les lignes temporales du
parietal). Я позаботился о нём и имел счастье
вывезти его с нами... Сначала он ехал в повозке
полковника Робера”. В послужном списке Гиро

записано: “Был тяжело ранен в голову *осколком
мины* в Кремле”⁵.

Итак, Гиро не мог руководить подрывом
Кремля. По словам первого офицера-ординарца
императора Г. Гурго, подрыв исполнил “шеф ба-
тальона морской артиллерии Оттон (Ottone),
которому было поручено разместить зажжённые
фитили на бочках с порохом. Эти фитили, сде-
ланные из длинных кусков трута, были закреп-
лены на планке, через которую один конец ка-
сался пороха; другой конец, который поджигал-
ся, имел такую длину, чтобы подождённый
огонь, пробегающий по нему, давал необходимое вре-
мя, чтобы взрыв произошёл в определённый мо-
мент. Этот офицер, с помощью всего лишь не-
скольких канониров, с величайшей хладнокров-
ностью исполнил распоряжения, которые были
ему предписаны, и ретировался только после
того, как прочно забаррикадировал ворота Кре-
мля; он присоединился к аррьергарду герцога Тре-
визского уже за Москвой. Крест [ордена] Почёт-
ного легиона мог быть тогда единственной награ-
дой за подобную акцию”. Второй лейтенант
гвардейской артиллерии Ю. Лютэ уверял, что к
19 октября “стены Кремля уже были заминиро-
ваны, чтобы разрушить их”.

Впрочем, эту “заслугу” приписывал себе и
лейтенант Лист, по словам которого, “23-го Мор-
тье ретировался, не потревоженный при своём
отступлении. Батарея Листа без происшествий
добралась до кладбища и ожидала экипажи, а
затем подожгла мины. Послышался ужасный
взрыв на десятом часу марша”. А. Лашук, види-
мо, пересказывая воспоминания генерала П. Бер-
тезена, писал, что “в 11 часов вечера под охра-
ной бригады Бертезена, которая должна уйти
последней, генерал Нури приказывает поджечь
запалы, и Кремль взрывается во мраке ночи. “По-
чему я, а не кто-нибудь другой?” – с горечью го-
ворит маршал Мортье, чей мягкий характер об-
ладает всеми гражданскими добродетелями”⁶.

Но польский поручик Ф. Гаевский привёл
иную версию. Он вспоминал, что после ухода
армии Наполеона из Москвы “*батальон порту-
гальцев* заперся в Кремле, а вместе с ним тогдаш-
ний *капитан*, а позднее *полковник Кос* из *корпуса
польских инженеров*, которому было поручено
*взорвать на воздух уже заминированное место-
пребывание Рюриковичей*. 23 октября герцог Тре-
визский покинул Москву, уводя с собой взятого
в плен русского генерала Винцингероде... В
Кремле ещё остались батальон португальцев и
капитан Кос. Казаки торопились в город, пресле-
дуя и убивая солдат, оставших от нашего войс-
ка. Командир батальона имел приказ покинуть
Кремль *точно в полночь*; капитану Косу было
поручено поджечь мины прежде, чем батальон
отправится”.

Гаевский описал подробности данного дела

так, как ему поведал о том сам “виновник торжества”. “Герцог Тревизский, – говорил Кос, – оставил город 23 октября около полудня. Через два часа после его выступления показались казаки и дружина (посполитое рушение). Каждый, проходящий мимо Кремля, останавливался, снимая шапку, а многие из них опускались на колени перед образами, замурованными в воротах. Командир батальона расставил своих людей на стенах и в окнах, готовых дать отпор в случае штурма, но эта толпа ограничилась стрельбой по нашим издали, мы даже не отвечали. Мы спустились в подземелье, где были заложены мины, их было 47. Мы убедились, что всё в порядке, заложили фитили и ждали назначенного времени.

К вечеру в Москве утихло, но казаки и крестьяне разложили огни на берегах реки Москва и в различных местах возле Кремля; значит, за нами следили. В половине двенадцатого спустились в подземелье, командир батальона велел очистить одни из ворот, которые все были забаррикадированы; я лично прикрепил к каждому фитилю по куску губки, выкроенных спиралью и рассчитанных на часовое тление до загорания фитиля. После исполнения этой работы подожгли губки одну за другой, а также такую же губку подожгли и для себя, хотелось убедиться во времени, когда произойдёт взрыв. После исполнения работы побежали к батальону, уже построеному в колонну и готовому очистить Кремль.

Ровно в полночь отворили ворота, батальон вышел в величайшей тишине и перешёл через мост, когда среди казаков и дружины раздался крик: “Французы!”. Эта толпа окружила нас со всех сторон, но всё же отступала по мере нашего продвижения. С их стороны раздалось несколько выстрелов, наши солдаты не отвечали. Вскоре послышался звон из Кремля, и вся толпа бросилась к освобождённому замку. Выйдя из Москвы, командир остановил батальон свой в берёзовом лесочке в какой-нибудь четверти мили от города, чтобы убедиться в срабатывании мин. Губка уже давно прекратила гореть, а тишина ночи не была прервана никаким шумом. Это был неприятный для меня момент, опасались затухания фитилей, однако я знал, что собственной рукой прикрепил к ним губки с величайшей предусмотрительностью. Я упрекал себя в поспешности, с которой покинул Кремль, думая, что навсегда лишился доверия моих начальников. В такой неуверенности оставались около четверти часа, когда в воздухе раздался глухой взрыв первой мины, а вскоре произошли три других. Итак, дело было сделано, Кремль лежал в развалинах. С тех пор звон затих, наступила тишина. Стало спокойно, батальон выступил в дальнейший поход. Шли всю ночь без какой бы то ни было напасти; около полудня португальцы соединились с нашим арьберггардом, это было

24 октября”.⁷

Старший хирург 4-го полка стрелков Молодой гвардии Л.В. Ланьо вспоминал: “Мы вышли из города в 8 часов вечера, с 23 на 24 октября, и мы намеревались взорвать мины только в 10 часов вечера, остановившись на холме, который находился на небольшом расстоянии от Москвы”. Правда, сам Мортье сообщил, что взрыв был перенесён им на 12 часов ночи 23-го числа, но был осуществлён в 2 часа утра 24-го.

До вечера русские командиры ждали возвращения Винцингероде, а когда узнали о его пленении, Бенкендорф “приказал бригаде своей, состоявшей из эскадронов лейб-казаков и Изюмских гусар, вступить в Москву”. “С наступлением ночи, – писал генерал И.Д. Иловайский 4-й, – неприятель оставя Кремль двинулся к своей армии по Калужской дороге, подорвав во 2-м уже пополуночи часу сделанными минами некоторые места в Кремле и городе”. Безымянный московский житель вспоминал: “С 10-го на 11-е, в 3-м часу пополуночи, раздался сильный гром! С начала ночи сей было зарево над Кремлем, которое усиливалось к полуночи более, и к 3-му часу, распространяясь вверх, образовало огненный столб, из которого произошел тот ужасный выстрел, от которого потряслась вся Москва!”.

“Все ждали чего-то зловещего в эту ночь, – писал аббат А. Сюрюг. – И на самом деле, около двух часов утра послышался чудовищный удар – это миной был взорван кремлёвский арсенал; в это же время загорелся царский дворец. Этот первый взрыв сопровождался таким сотрясением, что почти все окна в городе были разбиты. Три других взрыва, менее сильных, чем первый, разрушили кремлевские ворота напротив Никольской улицы и внешние башни Кремля”. Находившийся на излечении в Голицынской больнице прапорщик А.С. Норов вспоминал: “В ночь с 10-го на 11-е октября мы были пробуждены страшным громом; оконные стекла в соседней комнате посыпались... Это был взрыв Кремля... Взрывы повторялись еще несколько раз”.

“В 12 верстах от Москвы, – вспоминал сулейтенант Ж.Р. Куанье, – мы слышали страшный взрыв. Толчок был так силен, что почва задвигалась под нашими ногами. Говорили, что под Кремлём положено было 60 пороховых бочек с семью пороховыми приводами и горючими веществами, наложенными на бочках”. Э. Лабом пишет, что капитан штаба 4-го корпуса Эввар, “который был послан с заданием в Шарапово, сообщил нам, что слышал со стороны Москвы страшный взрыв; тогда мы узнали, что он произошёл от подрыва мин, которыми был взорван Кремль”.

Кремль был подорван в пяти местах. Пострадали Грановитая палата и Кремлёвский дворец, была разрушена часть Арсенала, пострадали две башни Кремля и частично стены. “Со све-

том дня, – написал коллежский асессор А.А. Карфачевский 6/18 ноября, – увидели мы русских казаков в Кремле, кои успели изловить оставленных для зажигания подрывов, французами учиненных, и, принудив их загасить многие фитили в бочках с порохом, спасли от разрушения соборы, монастыри”. На основании этой ненадёжной фразы А.И. Сапожников сделал сомнительный вывод о том, будто бы казаки Иловайского 4-го “схватили французских сапёров, пытавшихся продолжить взрывы в Кремле. Казаки заставили пленных показать все заложенные заряды и извлекли почти тонну пороха”. То, что казаки взяли в плен именно сапёров, кажется более чем сомнительным и не подтверждается другими источниками.

30 октября Ф. Ростопчин написал С.К. Вязмитинову: “При взрыве подкопов есть действие непонятное: арсенала взорвало почти половину, к Никольским воротам. Башня на них стоящая до половины упала и не более полуаршина от места, где расселась и стена. Образ Николая Чудотворца, висевший над воротами, остался недовольно (?) на своем месте, но и лампада не оторвалась и стекло не разбито... Должно осмотреть сделанные подкопы, из коих некоторые остались без действия, ибо невероятно, чтобы Наполеон предпочел в своем бешенстве арсенал Успенскому собору и при том в Кремле оставлено между прочим с лишком 40 ящиков с снарядам... Зверство французов во время пребывания их в Москве равнялось с делами их в 1794 году”.⁸

Подводя итог нашему расследованию, скажем, что истинный виновник столь тяжкого преступления до сих пор остаётся не установленным...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Correspondance de Napoléon I-er. №19285, 19287; *Faine A.* Manuscrit de 1812. T.II. Paris, 1827. P.154, 176; *Berthezène P.* Souvenirs militaires de la République et de l'Empire. Paris, 1855. T.II. P.125; *Vionnet de Maringoné L.J.* Souvenirs d'un ex-Commandant des Grenadiers de la Vieille-Garde. Paris, 1899. P.42; *Chuquet A.* Ordres et apostilles de Napoléon I-er. T.2. Paris, 1912. P.471; *Lomier E.* Le bataillon des Marins de la Garde. Paris, 1905. P.367-69; *Van Vlijmen B.R.F.* Vers la Bérésina (1812) d'après des documents nouveaux. Paris, 1908. P.317.

² Correspondance de Napoléon I-er. №19292, 19302; *Faine.* T.II.

P.180; *Van Vlijmen.* P.317; *Lomier.* P.371-72.

³ Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т.XIX. СПб., 1912. С.66-68; 317-18; *Волконский С.Г.* Записки. Иркутск, 1991. С.218-20; *Вороненко П.И.* Записка // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С.71-72; *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып.2. Вильно, 1903. С.118-19; *Martens N.* Denkwürdigkeiten aus dem kriegerischen und politischen Leben eines alten Offiziers. Dresden-Leipzig, 1848. S.174; Воспоминания князя А.А. Шаховского // РА. 1886. Кн.3. С.379.

⁴ Гиро (Guiraud) Раймон-Мари-Антуан (20.1.1780-1857) после обучения в Политехнической школе в 1800 г. выпущен су-лейтенантом инженерных войск; в следующем году произведён в лейтенанты, в 1803 г. – капитан 5-го батальона сапёров. В 1807 г. переведён капитаном в гвардию и в 1811 произведён в шефы батальона. Ранен в ногу возле Бургоса. С 1824 г. полковник, директор укреплений Перпиньяна, вышел в отставку в 1840 г.

⁵ *Cezior Ф.П.* Поход в Россию. Смоленск, 2003. С.214; *Guiraud R.M.* Journal de ma vie // La revue des Deux Mondes. 1967. 1 sept. P.80-81; *De Baudus M.* Études sur Napoléon. T.2. Paris, 1841. P.200; *Lagneau L.V.* Journal d'un chirurgien de la Grande armée. Paris, 1913. P.203.

⁶ *Gourgaud G.* Examen critique de l'ouvrage de M. Le comte Ph. De Segur // Bibliothèque Historique et militaire. T.VII. Paris, 1853. P.346; *Lyautey H.* La retraite de Russie // La Revue des deux Mondes. 1.01.1963. P.59; *Faine.* T.II. P.180; *Van Vlijmen.* P.317; *Лаушк А.* Гвардия Наполеона. М., 2004. С.315. Шеф батальона Оттон, действительно, служил во 2-м полку морской артиллерии. Каким образом он оказался в России – одному Богу известно, но 28 ноября он был ранен на мостах через Березину и умер 9 декабря. А. Мартиньен ошибочно указал, будто Гиро был ранен в Бородинском сражении (*Martinien A.* Tableaux par corps et par batailles des officiers tués et blessés pendant les guerres de l'Empire. Paris, 1899. P.678, 665).

⁷ *Gajewski F.* Pamiętniki. T.1. Poznan, 1915. S.260-61. Францишек Косс (Koss) начал службу 2-м поручиком в конной артиллерии, 5 апреля 1810 г. переведён в дирекцию инженерных войск. После образования царства Польского преподавал в кадетском корпусе в Калише. Во время восстания 1830 г. был начальником штаба дивизии генерала Гелгуда. После поражения восстания лишился всего имущества, ему предоставил убежище монастырь ордена капуцинов в Варшаве, где он умер в 1842 г. (*Gembarzewski B.* Wojsko księstwa Warszawskiego. Warszawa, 1923. Lista imenna oficerów. S.XIX).

⁸ *Chuquet A.* Lettres de 1812. I serie. Paris, 1911. P.103-04; *Lagneau L.V.* Journal d'un chirurgien de la Grande armée. Paris, 2000. P.141; *Fain.* T.II. P.169; *Labauve E.* La campagne de Russie. Le récit d'un officier de la Grande Armée 1812. Paris, 2001. P.184-85; *Норов А.С.* Воспоминания // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев. М., 1988. С.374; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны... Ч.V. М., 1900. С.166-67; К чести России. Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С.133; *Сапожников А.И.* Казаки в наполеоновских войнах // Эпоха 1812 года... // Труды ГИМ. Вып.166. М., 2007. С.65; ВУА. Т.XIX. С.399-400.

PRETENDERS TO THE GLORY OF HEROSTRATUS

© 2011 A.I. Popov

Volga Branch of Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Samara

The article is devoted to the debatable question: who were the concrete executors of the notorious Napoleon's order to blast the Moscow Kremlin. The author leads his own historical investigation based on a wide set of historical documents.

Keywords: Patriotic War of 1812, the Moscow Kremlin.